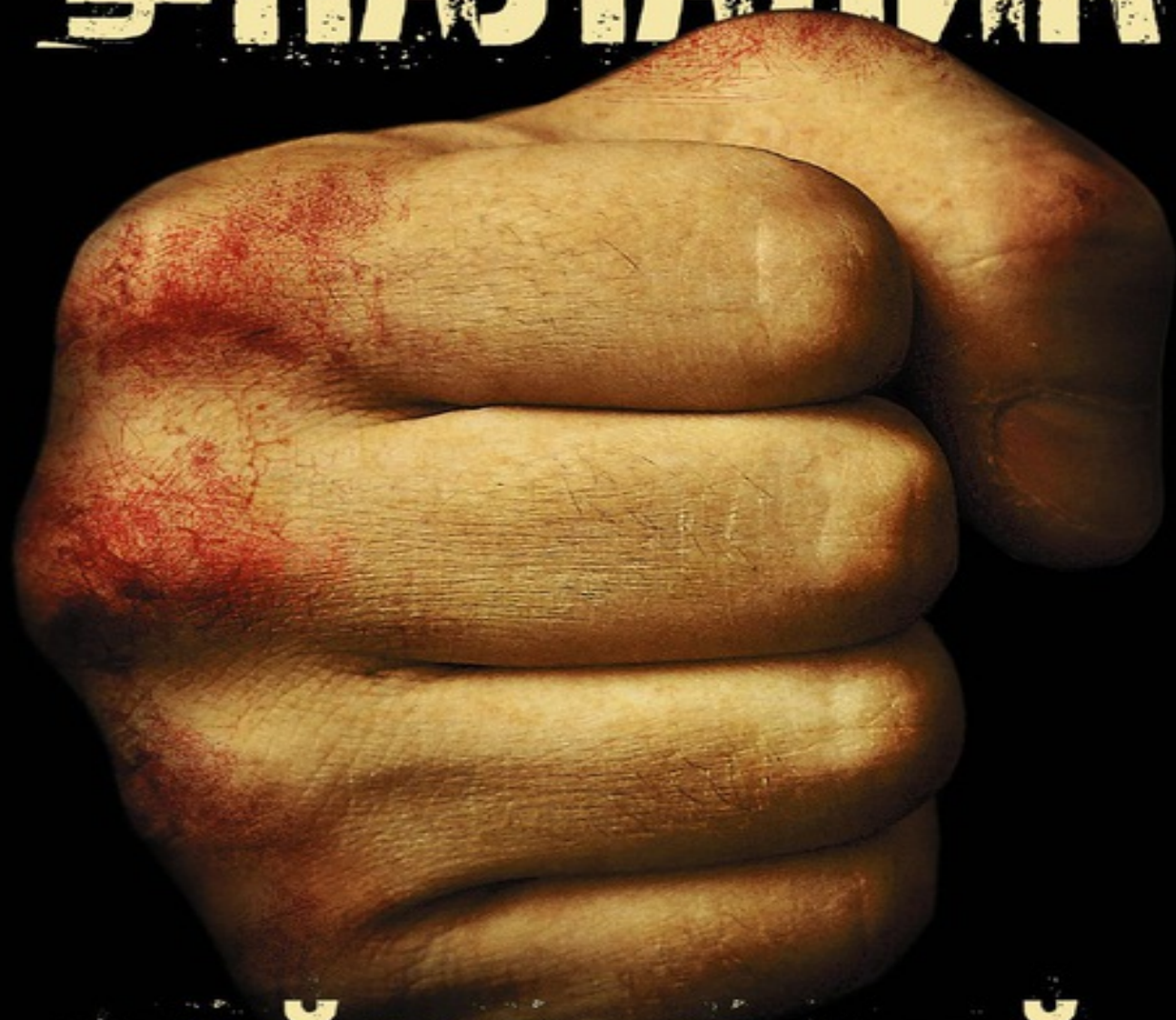

ЧАР ПАЛАНИК

БОЙЦОВСКИЙ КЛУБ

18+

NEOCLASSIC

РОМАН

Annotation

Это – самая потрясающая и самая скандальная книга 1990-х.

Книга, в которой устами Чака Паланика заговорило не просто «поколение икс», но – «поколение икс» уже озлобленное, уже растерявшее свои последние иллюзии.

Вы смотрели фильм «Бойцовский клуб»?

Тогда – читайте книгу, по которой он был снят!

Чак Паланик

Бойцовский клуб

Печатается с разрешения Donadio & Olson, Inc. Literary Representatives и Andrew Nurnberg;

© Chuck Palahniuk, 1999

© Перевод. И. Кормильцев, наследники, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

*Посвящается Кэрл Мидер, которой пришлось больше всех
страдать от моего ужасного характера*

То этот Тайлер устраивает меня на работу официантом, то пихает мне ствол в рот и заявляет, что для того, чтобы обрести жизнь вечную, надо сначала умереть. Сказать по правде, долгое время мы с Тайлером были лучшими друзьями. Кого я ни встречу, все меня спрашивают, не знаком ли я с Тайлером Дёрденом.

Ствол пистолета утыкается мне в гланды. А Тайлер говорит:

– Мы умрем не на самом деле.

Я ощупываю языком отверстия в глушителе пистолета. Эти отверстия мы просверлили сами. Шум выстрела производят, во-первых, пороховые газы, а во-вторых – пуля, когда пересекает звуковой барьер. Поэтому, чтобы сделать глушитель, нужно просверлить отверстия в стволе пистолета – много-много отверстий. Через них выходят газы, а скорость пули становится меньше скорости звука.

Если отверстия просверлить неправильно, пистолет взорвется прямо у тебя в руке.

– Смерти на самом деле не существует, – говорит Тайлер. – Мы войдем в легенду. Мы останемся навсегда молодыми.

Я отодвигаю ствол языком, так чтобы он упирался в щеку, и говорю:

– Тайлер, что ты городишь! Мы же не вампиры!

Здание, в котором мы находимся, исчезнет с лица земли через десять минут. Возьмите одну часть 98 %-ной дымящей азотной кислоты, и смешайте с тремя частями концентрированной серной кислоты. Делать это надо на ледяной бане. Затем добавляйте глицерин по капле из глазной пипетки. Вы получили нитроглицерин.

Я знаю это, потому что это знает Тайлер.

Смешайте нитроглицерин с опилками, и вы получите отличный пластит. Некоторые предпочитают смешивать нитроглицерин с ватой и английской солью. Это тоже дает неплохой результат. А некоторые мешают нитру с парафином. Но при этом получается ненадежная взрывчатка.

Мы с Тайлером находимся на вершине небоскреба «Паркер-Моррис». Ствол пистолета засунут мне в рот. Издалека доносится звук бьющегося стекла. Загляни за край крыши. День пасмурный, даже на этой высоте солнца не видно. Это самое высокое здание в мире, так что на вершине его холодно даже летом. Кругом царит космическое безмолвие. Такое ощущение, что ты – дрессированная обезьянка-астронавт. Чему тебя научили, то и делаешь.

Потяни за рычажок.

Нажми на кнопчку.

Сам не ведаешь, что творишь, и вот – ты уже покойник.

Взгляните вниз, туда, за край крыши. Даже с высоты сто девяносто первого этажа видно, что улица внизу покрыта густой колышущейся толпой. Люди стоят, смотрят вверх. А звук бьющегося стекла доносится с того этажа, который под нами. Там разбивается окно и из него вылетает шкаф с документами, похожий на большой черный холодильник. Из других окон вылетают маленькие тумбочки на шесть ящиков, которые, по мере приближения к земле, все больше и больше напоминают черные капли дождя. Капли становятся все меньше и меньше. Они исчезают в колышущемся людском море.

Где-то под нами, на одном из ста девяноста этажей небоскреба, обезьянки-астронавты из Комитета Неповиновения «Проекта Разгром» впали в безумие и приступили к

уничтожению истории.

Кто-то сказал когда-то давно, что людям свойственно убивать тех, кого любишь. Что ж, верно и обратное.

Когда у тебя во рту пистолет, и ты сжимаешь зубами его ствол, говорить удастся только одними гласными.

Нам осталось жить не более десяти минут.

Еще одно окно разбито. Осколки стекла прыскают в воздух, словно стайка птиц, а затем из окна показывается край длинного черного стола, который члены Комитета Неповиновения выбрасывают из здания. Стол долго качается в неустойчивом равновесии на подоконнике, затем вываливается и, вертясь в воздухе, планирует на толпу, как таинственный летательный аппарат.

Через девять минут небоскреб «Паркер-Моррис» прекратит свое существование. Если взять достаточное количество пластика, чтобы обмазать им колонны фундамента, – ни одно здание в мире не устоит. Конечно в том случае, если вы не забыли тщательно обложить колонны со всех сторон мешками с песком, чтобы взрывная волна ударила в бетон, а не разошлась по помещению подземного гаража.

Ни в одном учебнике истории не отыщешь подобных полезных сведений.

Напалм можно изготовить тремя способами. Первый: смешайте равные части бензина и замороженного концентрата апельсинового сока. Второй: то же самое, но вместо апельсинового сока – диетическая кола. Ну и, наконец, можно растворять высушенный и измельченный кошачий помет в бензине, пока смесь не загустеет.

Спросите меня, и я объясню, как приготовить нервно-паралитический газ. Или автомобильную бомбу.

Осталось девять минут.

Небоскреб «Паркер-Моррис» упадет, все его сто девяносто этажей медленно обрушатся как срубленное дерево. Уничтожить можно все, что хочешь. Страшно подумать, но то место, где мы сейчас находимся, скоро превратится в математическую точку в воздухе.

Мы стоим на краю крыши, я и Тайлер, и ствол пистолета у меня во рту. Хотелось бы знать, насколько он чистый.

Мы чуть не позабыли обо всей этой тайлеровской философии касательно убийства и самоубийства, зачарованно глядя на то, как еще один конторский шкаф вывалился из здания. Ящики открылись в полете, рассыпая в воздухе ворохи белой писчей бумаги, тут же подхваченной воздушными потоками.

Осталось восемь минут.

И тут дым повалил клубами из разбитых окон. Через восемь минут команда подрывников приведет в действие инициирующий заряд, тот воздействует на основной заряд, колонны, на которых покоится здание, рухнут и фотографии, запечатлевшие гибель небоскреба «Паркер-Моррис» войдут во все учебники истории.

Моментальные фотографии, запечатлевшие различные стадии падения небоскреба. На первой здание еще стоит. На второй – оно отклонилось от вертикали на десять градусов. На третьей – уже на двадцать. На следующей угол наклона составляет уже сорок пять градусов, причем арматура начинает сдавать, так что накренившееся здание прогибается дугой. На последнем же снимке сто девяносто этажей небоскреба обрушиваются всей своей массой на Национальный музей. Он-то и является подлинной мишенью в плане Тайлера.

– Этот мир отныне принадлежит нам, нам и только нам, – говорит Тайлер. – Древние

давно в могилах.

Если бы я знал, чем все это обернется, я бы предпочел сейчас быть мертвым вместе с древними на небесах.

Осталось семь минут.

Я стою на краю крыши с пистолетом Тайлера во рту. Шкафы, столы и компьютеры летят из окон небоскреба на толпу, собравшуюся вокруг здания, дым вырывается из разбитых окон, а за три квартала отсюда команда подрывников посматривает на часы. Но я знаю – подлинную причину всего, что происходит – пистолета во рту, анархии, взрыва – зовут Марла Зингер.

Осталось шесть минут.

У нас здесь нечто вроде любовного треугольника. Я люблю Тайлера. Тайлер любит Марлу. Марла любит меня.

А я Марлу не люблю, да и Тайлер меня больше не любит. Когда я говорю *«любить»*, я имею в виду *«любить»* не в смысле *«заботиться»*, а в смысле *«обладать»*.

Без Марлы Тайлер был бы никем.

Осталось пять минут.

Быть может, мы войдем в легенду, а может, и нет. Скорее всего, нет, говорю я, но продолжаю чего-то ждать.

Кто бы узнал об Иисусе, если бы не было евангелистов?

Осталось четыре минуты.

Я отодвигаю ствол языком, так чтобы он уперся в щеку, и говорю:

– Ты хочешь войти в легенду, Тайлер, дружище? Я помогу тебе. Я-то ведь знаю всю историю с самого начала.

Я помню все.

Осталось три минуты.

Огромные ручки Боба вдавили меня в темную ложбину между его огромными потными обвисшими титьками – огромными как сам Бог. Здесь, в полуподвальном помещении под церковью мы встречаемся каждый вечер: вот это Арт, это Пол, а это Боб. Широкие плечи Боба заменяют мне горизонт. Прямые светлые волосы Боба демонстрируют, что случится с вашей прической, если использовать гель для укладки волос в качестве бальзама: в природе таких прямых, густых и светлых не бывает.

Огромные ручки Боба обнимают меня, а его ладонь, похожая на лопату, прижимает мою голову к титькам, украшающим с недавних пор его мускулистый торс.

– Все будет хорошо, – говорит Боб. – Ты поплачь!

Всем своим телом я чувствую, как внутри Боба окисляются питательные вещества.

– Может быть, у тебя еще ранняя стадия, – говорит Боб. – Может, у тебя всего лишь семинома. От семиномы еще никто не умирал.

Плечи Боба поднимаются в могучем вздохе, а затем опадают толчками. Поднимаются. Опадают.

Я хожу сюда уже два года каждую неделю, и каждую неделю Боб обнимает меня и я плачу.

– Ты поплачь! – говорит Боб. Плечи поднимаются и опускаются, а я всхлипываю им в такт. – Плачь, не стесняйся!

Большое мокрое лицо прижимается к моей макушке, и тут-то я обычно начинаю плакать. Я один и темнота кругом. Плакать легко, когда ты ничего не видишь, окруженный чужим теплом, когда понимаешь: чего бы ты ни достиг в этой жизни, все рано или поздно станет прахом.

Все, чем ты гордишься, рано или поздно будет выброшено на помойку.

Я один и темнота кругом.

Я не спал уже почти неделю.

Тогда-то я и познакомился с Марлой Зингер.

Боб плачет, потому что шесть месяцев назад ему удалили яички. Затем посадили на гормональную терапию, титьки у Боба выросли потому, что у него слишком высокий тестостерон. Если поднять уровень тестостерона в крови, то ваши клетки начнут вырабатывать эстроген, чтобы восстановить баланс.

А я плачу, потому что жизнь моя не имеет смысла и кончится ничем. Даже хуже, чем ничем – полным забвением.

Когда в крови слишком много эстрогена, у тебя вырастает сучье вымя.

Плакать легко, если знаешь, что все, кого ты любишь, когда-нибудь или бросят тебя, или умрут. Долговременная вероятность выживания каждого из нас равна нулю.

Боб любит меня, потому что он думает, что мне тоже удалили яички.

Здесь, в полуподвальном помещении епископальной церкви Пресвятой Троицы, заставленном клетчатými думками из мебельного магазина для бедных, собрались двадцать мужчин и одна женщина. Они стоят парами, обнявшись, и, в основном, плачут. Некоторые стоят, полусогнувшись и прижавшись щекой к щеке, как борцы. Мужчина, оказавшийся в паре с единственной женщиной, положил ей локти на плечи – по локтю на каждое плечо, и рыдает ей в шею. Женщина же, склонив голову на сторону, выглядывает из-под его локтя и

закуривает сигарету.

– Жизнь моя кончена, – рыдает Боб. – Зачем я только живу, сам не знаю.

Единственная женщина у нас здесь, в группе «Останемся мужчинами», в группе поддержки для больных раком яичка, курит сигарету, согнувшись под тяжестью партнера, и ее взгляд встречается с моим.

Симулянтка.

Симулянтка.

Симулянтка.

Черные тусклые волосы, короткая стрижка, огромные глаза, какие бывают у девочек в японских мультиках, бледная, как обезжиренное молоко, кожа, платье в темно-красных розах – я уже видел ее в прошлую пятницу в моей группе поддержки для туберкулезников. А в среду она была на круглом столе для больных меланомой. В понедельник я засек ее в дискуссионной группе «Твердая вера» для страдающих лейкемией. Изпод челки светится ее лоб – бледный-бледный, белый-белый.

У всех этих групп поддержки всегда такие бодренькие, ни о чем не говорящие имена. Вечером по четвергам я хожу в группу для паразитов крови, которая называется «Внутренняя чистота».

А та, где паразиты мозга, носит имя «Преодолей себя!».

И вот днем в воскресенье здесь, в полуподвальном помещении епископальной церкви Пресвятой Троицы, в группе «Останемся мужчинами!» я вновь встречаю эту женщину.

Но самое ужасное – я не могу плакать, если она рядом.

А я так любил безнадежно рыдать, спрятавшись между титок у Большого Боба. С утра до вечера – работа, работа, работа. И только здесь я могу позволить себе расслабиться, отпустить поводья.

Только здесь я чувствую себя человеком.

В первую мою группу поддержки я начал ходить два года назад, после того, как в очередной раз пожаловался врачу на бессонницу.

Я не спал уже три недели. И после этих трех недель я чувствовал себя как душа, отделенная от тела, в рассказах людей, переживших клиническую смерть. Мой терапевт сказал:

– Бессонница – это просто симптом. Дело не в ней. Попробуйте понять, что у вас не в порядке. Прислушайтесь к своему телу.

А я просто хотел спать. Хотел, чтобы мне прописали маленькие голубые пилюли амитала натрия. Или красно-голубые, похожие на пули, капсулы туинала. Или ярко-алые таблетки секонала.

Мой терапевт посоветовал мне жевать валерьяновый корень и больше заниматься спортом. Там глядишь, и сон вернется.

Мое лицо стало походить на старую сморщенную грушу, меня принимали за воскресшего из мертвых.

Мой терапевт сказал мне, что если я хочу увидеть людей, которым на самом деле плохо, то мне стоит заглянуть в церковь Первого Причастия вечером во вторник. Посмотреть на паразитарные заболевания мозга. На болезни костной ткани. На органические поражения высшей нервной системы. На раковых больных.

Я последовал его совету.

В первой группе, которую я посетил, как раз проходило знакомство. Знакомьтесь, это – Элис, это – Бренда, а это – Довер. Все улыбаются, а в голове у каждого тикает адская машина.

В группах поддержки я никогда не называю своего настоящего имени.

Эту маленькую женщину, похожую на скелет, зовут Клои. У нее на заднице брюки обвисли печальным мешочком. Клои говорит, что из-за паразитов мозга никто не хочет заниматься с ней любовью. Она умирала уже столько раз, что сумма выплат по медицинской страховке составила семьдесят пять тысяч долларов, и все, чего ей сейчас хочется – это чтобы кто-нибудь ее трахнул. О любви и речи не идет: просто трахнул – и все.

Что может сказать в ответ мужчина, когда слышит такие слова? Вот вы бы что сказали?

Клои начала умирать с того, что просто стала ощущать постоянную усталость. А сейчас ей уже настолько на все наплевать, что она даже на процедуры не ходит. У нее дома полно порнографических фильмов.

Клои рассказала мне, что во времена французской революции аристократки – все эти баронессы, герцогини, маркизы, графини – которые сидели в тюрьмах, по очереди трахались с любым мужиком, которого пускали к ним в камеру. Клои дышала мне в шею. С любым мужиком. Интересно, кого к ним пускали? Да, забавно они время проводили.

La petite mort^[1]. Кажется, французы так говорят?

Клои говорит, что если мне хочется, то мы можем пойти к ней домой и посмотреть ее коллекцию порнографических фильмов. А еще у нее есть амилнитрат. И интимные кремы.

Если бы такое мне сказала любая другая женщина, эрекции не миновать. Но Клои больше всего походит на скелет, местами обтянутый желтым пергаментом.

В сравнении с Клои я – ничтожество. Меньше, чем ничтожество. Мы садимся в круг на ковер, и плечо Клои вонзается в мое плечо. Мы закрываем глаза. Сегодня очередь Клои руководить направленной медитацией, вести нас в сад безмятежности. Клои ведет нас на вершину холма, где стоит дворец о семи вратах. Внутри дворца – семь врат: зеленые, желтые, оранжевые. Клои велит нам открывать эти врата одни за другими – голубые врата, красные, белые – и рассказывать, что скрывается за каждым вратами.

Закрыв глаза, мы представляем боль в виде шара белого исцеляющего света, который подплывает к нашим ногам и поднимается вверх – к коленям, поясницам, грудным клеткам. Наши чакры открываются. Сердечная чakra. Головная чakra. Клои вводит нас в пещеру, где мы встречаем покровительствующих нам животных, символизирующих нашу волю. Мое животное – это пингвин.

Лед покрывает пол пещеры, и пингвин командует мне: «Скользи!». Легко и радостно мы скользим с ним по туннелям и галереям.

Затем наступает время объятий.

Откройте глаза.

Это – терапевтический телесный контакт, объясняет Клои. Каждый из нас должен выбрать себе партнера. Клои обнимает меня за голову и принимается плакать. Она говорит, что у нее дома есть эротическое нижнее белье. Ароматические масла и кожаные плетки. Она плачет так долго, что я успеваю одиннадцать раз посмотреть на часы у меня на руке, прежде чем она меня отпускает.

В моей первой группе поддержки, два года тому назад, я еще не плакал. Не плакал я ни во второй, ни в третьей группе. Не плакал, посещая паразитов мозга, опухоли кишечника и слабоумие.

Бессонница – это очень серьезно. Все вокруг кажется таким далеким, копией, снятой с копии, сделанной с еще одной копии. Бессонница встает вокруг как стена: ты не можешь ни до чего дотронуться, и ничто не может дотронуться до тебя.

А затем появился Боб. В первый же раз, как я пришел в рак яичек, этот здоровенный лось, этот шмат сала, навалился на меня и принялся лить слезы. Когда в группе «Останемся мужчинами!» наступило время объятий, он двинул ко мне, раскинув свои грабли в стороны, и выставив вперед свой пустой котелок, а на глаза у него уже наворачивались слезы. Шаркая слоновьими ножищами, Боб пересек помещение и навалился на меня всей своей тушей.

Он подмял меня под себя.

Он сдавил меня в своих душных объятиях.

Большой Боб поведал мне, что раньше он был качком. Сидел на анаболиках и еще на этом стероиде, на вистроле. Его еще скаковым лошадям дают. Боб владел собственным залом, где собирались качки. Он был женат три раза. Он рекламировал продукты для кач-ков по телевизору. Может, я видел, у него еще программа такая была: «Как увеличить грудную клетку?».

Когда незнакомые люди начинают со мной откровенничать подобным образом, я готов на месте провалиться, если вы понимаете, что я имею в виду.

Но Боб этого не знал. Он продолжал делиться со мной историей своей жизни. У него с детства было ущемлено одно из *huevos*, и он знал, что с ним это может случиться. Боб рассказал мне все про послеоперационную гормональную терапию.

Многие качки впрыскивают себе большие дозы тестостерона, и от этого у них вырастает «сучье вымя».

Мне пришлось спросить у Боба, что такое «*huevos*».

Мексиканцы так называют яйца, объяснил Боб. Ну, мы же говорим: «помидоры», «абрикосы», «шары». А мексиканцы говорят *huevos*. В Мексику Боб ездил закупать стероиды.

Развод, развод, и еще один развод – сказал Боб, открыл бумажник и показал мне свою фотографию с соревнований. Он стоял в качковой стойке, огромный, голый и блестящий. Дурацкая жизнь, сказал Боб, качаешься, бреешь тело, выходишь на сцену. Жировая прослойка составляет не более двух процентов от веса тела, пьешь диуретики, пока не становишься твердым и холодным как бетон, слепнешь от прожекторов, глохнешь от рева музыки, а потом судья командует: «Покажите правый трицепс и напрягите его!» или «Вытяните левую руку, зафиксируйте бицепс!».

Но это все же лучше, чем нормальная жизнь.

Вот так вот, сказал Боб, в темпе вальса навстречу опухоли. Болезнь разорила его. У него двое взрослых детей, которые не хотят разговаривать с ним даже по телефону.

Скоро ему сделают операцию, удалят сучье вымя – сделают надрез под грудной мышцей и откачают оттуда жидкость.

Больше мне ничего не удалось расслышать, потому что Боб прижал меня к своей груди еще сильнее, придавил мне голову подбородком, и я погрузился в забвение, очутившись в полной темноте и тишине, а когда я, наконец, смог вырваться, на груди у Боба осталось мокрое пятно от моих слез.

Это случилось два года назад, во время моего первого посещения группы «Останемся мужчинами!».

После этого почти на каждой встрече я рыдал на груди у Большого Боба.

После этого я так ни разу и не наведалься к терапевту. И валерьяновый корень я тоже не жевал.

В этом и состоит свобода. Когда теряешь всякую надежду. Я не говорил ничего, и люди в группе полагали, что мне еще хуже, чем им. И они рыдали еще сильнее. И я рыдал вместе с ними. Стоит только поднять голову, посмотреть на звезды – и ты пропал.

Возвращаясь домой после собрания группы, я чувствовал себя просто великолепно. Ведь у меня не было ни паразитов, ни рака – я был маленьким теплым центром, вокруг которого вращалась вся Вселенная.

И я спал. Спал крепче любого невинного младенца.

Каждый вечер я умирал и рождался вновь.

Я воскресал.

Каждый вечер, но не сегодня. Я не могу плакать, когда эта женщина смотрит на меня. Я не могу дойти до точки, а значит, не могу и воскреснуть. Я искусал губы так сильно, что, если притронуться к ним языком, то кажется, что они покрыты рваными обоями. И я не спал уже четыре дня.

Когда она смотрит на меня, я чувствую себя лжецом. Но это она лжет. Симулянтка. Сегодня вечером мы, как обычно, представились друг другу. Я – Боб. А я – Пол. Я – Терри. Я – Дэвид.

В группах поддержки я никогда не называю своего настоящего имени.

– Сюда с раком? – спросила она.

А потом сказала:

– Привет, меня зовут Марла Зингер.

Видно было, что никто не потрудился объяснить Марле Зингер, с *каким* раком сюда ходят. Мы тоже промолчали: слишком были поглощены общением с ребенком, живущим внутри каждого из нас.

Партнер Марлы по-прежнему рыдает у нее на плече. Марла затягивается сигаретой.

Я наблюдаю за ней, прижимаясь ухом к трясущимся титькам Боба.

Марла считает меня симулянтом. На следующий вечер после того, как я ее увидел, я не смог заснуть. И все же она права – первым симулировать начал я. Если, конечно, не допустить, что все эти люди симулируют свои опухоли, свои страдания. И даже Большой Боб, этот здоровенный лось, этот шмат сала – тоже симулирует.

Стоит только посмотреть на его прическу.

Марла курит и смотрит по сторонам.

В этот миг моя ложь отражается в Марлиной, и я вижу кругом одну только ложь. Посреди их правды. Они боятся предположить самое худшее, они цепляются за жизнь и живут со стволом пистолета во рту. Но сейчас, когда Марла курит и смотрит по сторонам, а я погребен под содрогающейся в рыданиях тушей Большого Боба, внезапно даже смерть и умирающие начинают казаться такими же ненастоящими, как искусственные пластиковые цветы, стоящие на видеомэгнитофоне.

– Боб, – говорю я, – ты меня раздавишь.

Сначала я говорю это шепотом.

Затем, уже громче, но все еще тихо:

– Боб!

И, наконец, я ору:

– Боб, мне нужно пойти проблеваться!

В туалете над раковиной висит зеркало. Если мои расчеты верны, то я встречу Марлу Зингер в «Преодолей себя!», группе поддержки для страдающих паразитарными заболеваниями мозга. Марла туда пойдет. Конечно, пойдет, никуда не денется. И вот что я сделаю – я сяду с ней рядом. И вот, после того, как мы все представимся друг другу и помедитируем, и откроем семь врат дворца, и после белого целительного шара света, и после того, как мы откроем все чакры и настанет время обьятий, я схвачу эту маленькую сучку. Прижав ей руки к бокам и уткнув губы в самое ухо, я скажу:

– Марла, ты – симулянтка. Выметайся отсюда! У меня в жизни кроме этих групп ничего нет, а ты все портишь! Туристка чертова!

В следующий раз, когда мы встретимся, я скажу:

– Марла, ты приходишь, и я потом не могу заснуть. А мне сон необходим. Убирайся!

Ты просыпаешься в Эйр Харбор^[2].

При каждом взлете и каждой посадке, если самолет вдруг резко заваливался на бок, я молился о том, чтобы произошла катастрофа. Стоит только мне представить, что мы можем сгореть, словно табак, в этом летающем сигарном футляре, как моя бессонница проходит, и я начинаю радостно клевать носом.

Вот так я и повстречал Тайлера Дёрдена.

Ты просыпаешься в О'Харе^[3].

Ты просыпаешься в Ла Гардии^[4].

Ты просыпаешься в Логане^[5].

Тайлер прирабатывал киномехаником на полставки. Он мог работать только по ночам – такая уж у него была натура. Стоило где-нибудь заболеть киномеханику, как звонили из профсоюза и вызывали Тайлера.

Одни люди – совы, другие – жаворонки. Я – жаворонок, я могу работать только днем.

Ты просыпаешься в Даллсе^[6].

Если ты погиб во время командировки, то сумма страховки утраивается. Я молился о резких порывах бокового ветра. Молился, чтобы в турбину засосало пеликана, чтобы техник забыл затянуть какую-нибудь важную гайку, чтобы случилось обледенение закрылков. Во время разбега, пока самолет мчался по полосе, а спинки наших кресел были приведены в вертикальное положение, столики убраны, и ручная кладь помещена в багажные отделения над нашей головой, и мы воздерживались от курения, я молился о том, чтобы произошла катастрофа.

Ты просыпаешься в Лав Фильд^[7].

В проекционной, в том случае, когда кинотеатр был старым, Тайлеру нужно было переходить с поста на пост. Обычно в проекционной имеется два проектора – когда часть фильма, установленная на первом проекторе, подходит к концу, ты ставишь на втором следующую часть и запускаешь его. Это и называется «переходом на другой пост».

Я знаю это, потому что это знает Тайлер.

Итак, ты устанавливаешь следующую часть на втором проекторе и запускаешь его. Большинство фильмов состоит из шести-семи частей, которые следует воспроизводить в определенном порядке. В кинотеатрах поновее все части склеивают, так что получается одна огромная бобина в полтора метра диаметром. В этом случае уже не приходится метаться между двумя проекторами, устанавливая то одну часть, то другую, бобина, щелчок выключателя, бобина, щелчок.

Щелчок.

Ты просыпаешься в Си Таке^[8].

Я изучаю картинки людей на ламинированной инструкции, извлеченной из кармана кресла. Женщина плывет по океанским волнам, прижимая к груди подушку от кресла. Темные волосы развеваются по ветру, глаза женщины широко открыты, но на лице не видать ни улыбки, ни гримасы страха. На другой картинке пассажиры, спокойные, как коровы в Индии, тянутся за кислородными масками, свисающими с потолка.

Аварийная ситуация.

Ой!

Давление в салоне падает.

Ой!

Ты просыпаешься и понимаешь, что очутился в Уиллоу Ран^[9].

Старый кинотеатр, новый кинотеатр. Чтобы перевезти бобины с пленкой из кинотеатра в кинотеатр, Тайлеру приходилось снова разрезать фильм на шесть или семь частей. Маленькие бобины упаковывают в стальные шестиугольные ящики с ручками, которые называются «яуфы». Если взяться за ручку и попытаться поднять один такой яуф, то можно вывихнуть плечо – настолько он тяжелый.

А еще Тайлер работал официантом на банкетах в большом отеле в центре города. Это в те ночи, когда он не менял бобины на кинопроекторах. Я даже и не знаю, сколько всего Тайлер успевал сделать за те ночи, когда я страдал бессонницей.

В старых кинотеатрах, там, где еще используют два проектора, киномеханик должен сменить посты так, чтобы зрители не заметили, что кончилась одна часть и началась следующая. Для этого он должен следить за белыми точками в верхнем правом углу экрана. Это предупреждение. Внимательно как-нибудь посмотрите: в конце каждой части кинокартины в верхнем правом углу экрана вспыхивают две белые точки.

Профессионалы называют их «звездочками».

Одна белая точка означает, что до конца части осталось две минуты. В этот момент нужно включить второй проектор, чтобы он успел прогреться.

Вторая белая точка появляется за пять секунд до конца части. Трудно описать, что чувствуешь, когда стоишь между двумя проекторами, и оба пынут жаром от пылающих в них ксеноновых ламп, таких ярких, что можно ослепнуть от одного взгляда на них. На экране вспыхивает белая точка. Звук в кинотеатре воспроизводится колонками, установленными в зале. В проекционной ничего не слышно, потому что она отделена от зала звукоизоляцией. Это для того чтобы стрекот и треск, производимый проекторами, не мешал зрителям. Лента проносится между линзами со скоростью шесть футов в секунду, в каждом футе – десять кадров. Шестидесят кадров в секунду проглатывает проектор, словно пулеметную ленту, и тарахтит при этом совсем как настоящий пулемет. Два проектора работают, ты стоишь между ними и держишь в каждой руке ручки заслонок. А на самых старых проекторах на подающей бобине есть еще звуковой сигнал, который начинает звучать, когда пленка уже подходит к концу.

«Звездочки» остаются даже после перегонки фильма на видео. Видно их и на тех фильмах, которые показывают в самолетах.

По мере того, как пленка сматывается, принимающая бобина начинает крутиться все медленнее и медленнее, а подающая – быстрее и быстрее. Звуковой сигнал – это такой звонок, который звенит, когда бобина крутится очень быстро. А значит – пора менять посты.

В проекционной темно, пышет жаром от невидимых ламп, звенит звонок. Ты стоишь между двумя проекторами с ручками заслонок в руках и смотришь в правый верхний угол экрана. Вспыхивает вторая точка. Сосчитай про себя до пяти. Закрой одну заслонку и одновременно открой вторую.

Смена постов.

Фильм продолжается.

Никто в зале ничего не замечает.

Когда на подающей бобине имеется звуковой сигнал, киномеханик может позволить

себе подремать. Киномеханики вообще много чего могут себе позволить. Иногда звукового сигнала на подающей бобине нет. Дома тебе порой снится, что ты проспал смену постов, и ты просыпаешься в ужасе посреди ночи. В зале шумят зрители. Ты разбил мечту серебряного экрана, пробудил их ото сна, и они негодуют. Директор кинотеатра снимает телефонную трубку и собирается позвонить в профсоюз.

Ты просыпаешься в Монтгомери Фильд^[10].

Самое приятное в поездках – это то, что в них тебя окружает одноразовый мир. Поселяешься в номере отеля и находишь там одноразовое мыло, одноразовые пакетики с шампунем, крошечные одноразовые брикеты масла, одноразовое полоскание для рта и даже одноразовую зубную щетку. Сядьте в стандартное кресло в салоне самолета и осмотритесь вокруг. Вы почувствуете себя Гулливером в стране лилипутов. Ваши плечи слишком широки. Ваши ноги такие же длинные, как у Алисы, когда та съела волшебный пирожок; ступни находятся на расстоянии в несколько миль от вас и упираются в ноги соседа спереди. Приносят обед. Он напоминает миниатюрный конструктор на тему «Собери сам цыпленка «Кордон Блю», какую-то изящную головоломку, которую выдают тебе, чтобы ты не скучал в полете.

Пилот включает табло «Пристегните привязные ремни» и просит нас не покидать свои места.

Ты просыпаешься в Мейгз Фильд^[11].

Иногда Тайлер Дёрден просыпается в ужасе посреди ночи, потому что ему снится, что он проспал смену постов, или что пленка порвалась, или выскользнула из направляющих, и шестеренки зажевали звуковую дорожку.

Если такое случается, то при воспроизведении вместо реплик актеров зрители слышат что-то вроде звука, который производят лопасти вертолета при вращении – фырр! фырррр! фыррррр! Этот звук возникает, когда луч света, направленный на фотоэлемент, проходит через отверстия, оставленные зубцами шестеренок на звуковой дорожке.

А вот еще одна вещь, которую киномеханику делать не положено: Тайлер вырезает отдельные самые удачные кадры из ленты и делает из них слайды. Первая кинокартина с откровенной обнаженкой, получившая широкую известность, включала в себя кадры с голой актрисой Энджи Дикинсон.

За то время, пока копия фильма добиралась с Западного побережья до Восточного, вся обнаженка полностью исчезла. Один киномеханик вырезал кадр. Другой киномеханик вырезал кадр. Всем хотелось иметь у себя изображение голой Энджи Дикинсон. А уж когда в киношках начали показывать порнуху, то эти парни разжились просто эпическими коллекциями слайдов!

Ты просыпаешься в Боинг Фильд^[12].

Ты просыпаешься в международном аэропорту Лос-Анджелеса.

Сегодня на нашем рейсе почти нет пассажиров, так что можно убрать подлокотники и растянуться на креслах во весь рост. Вытягиваешься, вьешься ужом, выгибаешь спину, руки, ноги, раскидываешься на три-четыре кресла вокруг. Я перевожу часы на два часа назад или на три часа вперед: Тихоокеанское, Центральное, Восточное поясное время, поясное время Скалистых гор. Час теряешь, час выигрываешь.

Это твоя жизнь, и с минуты на минуту ей придет конец.

Ты просыпаешься в кливлендском аэропорту имени Хопкинса.

Ты вновь просыпаешься в Си Таке.

От работы киномеханика быстро устаешь и становишься злым. Но чаще всего начинаешь просто маяться от скуки. И тогда берешь слайд из порнографической коллекции, собранной твоим предшественником, и клеиваешь кадр с крупным планом здорового красного члена или распахнутого влажного влагалища в художественный фильм.

И вот на экране фильм про зверушек, в котором пес и кот, потерявшие хозяев во время путешествия, ищут дорогу домой. И в третьей части, сразу после того, как эти говорящие человеческими голосами четвероногие подкрепились обедками из мусорного бака, на экране промелькивает изображение полноценной эрекции.

Это работа Тайлера.

Отдельный кадр виден на экране в течение одной шестидесятой доли секунды. Разделите секунду на шестьдесят равных частей. Именно столько была видна эрекция. Монументальный член высотой в четырехэтажный дом нависает над жующей попкорн публикой, и никто его не видит.

Ты вновь просыпаешься в Логане.

Эти поездки – сплошная мука. Я езжу на те встречи, в которых не желает участвовать мой начальник. Я все тщательно записываю. Я приезжаю и докладываю.

Моя задача заключается в правильном применении секретной формулы.

Чистая арифметика.

Классическая задачка из учебника.

Если новая машина, произведенная компанией, на которую я работаю, выехала из Чикаго со скоростью шестьдесят миль в час, и тут у нее заклинило дифференциал, и она улетела в кювет, разбилась, бензобак взорвался и все, кто были в салоне, сгорели заживо, должна ли компания отозвать все проданные автомобили этой модели на доработку?

Возьмите общее количество проданных на настоящий момент автомобилей (А), умножьте на среднее количество серьезных отказов (В), а затем умножьте произведение на среднюю стоимость урегулирования иска родственников пострадавших во внесудебном порядке (С).

$A \times B \times C = X$. Вот во сколько нам обойдется проблема, если мы не будем отзывать модель на доработку.

Если X превышает стоимость доработки, то мы производим доработку, и аварий больше не бывает.

Если X меньше, чем стоимость доработки, то мы доработку не производим.

Куда бы я не ехал, в конце пути меня ждет обгоревший и покореженный корпус автомобиля. Я знаю каждый скелет, который мы прячем в шкафу. Считайте это моим допуском к секретной информации.

Ночи в гостиницах, ужины в ресторанах. В дороге заводишь знакомства с одноразовыми знакомыми, которые очутились на соседнем кресле по пути из Логана в Монтгомери, и из Монтгомери в Уиллоу Ран.

– Я работаю координатором отдела рекламаций, – говорю я моим одноразовым знакомым, – но мечтаю о карьере мойщика посуды.

Ты вновь просыпаешься в О'Харе.

После первого успеха Тайлер начал клеивать пенис куда ни попадя. Или, если не пенис, то налитое кровью четырехэтажное влагалище величиной с Большой Каньон, которое промелькивало на экране в тот момент, когда принц приглашал Золушку на танец. Народ смотрел и ничего не замечал. Зрители пили и жевали как прежде, но что-то изменялось в их

подсознании. Некоторым внезапно становилось дурно или они начинали плакать безо всякой причины. Никто не понимал, в чем дело. Только птичка колибри смогла бы поймать Тайлера за руку.

Ты просыпаешься в аэропорту имени Кеннеди.

Я растекаюсь в жижу в момент приземления, когда одно колесо с глухим стуком касается дорожки, и самолет накрывается в одну сторону и повисает в нерешительности, не зная, то ли ему опрокинуться, то ли покатиться дальше. В этот миг все теряет значение. Стоит только поднять голову, посмотреть на звезды – и ты пропал. Ничего больше не имеет значения. Ни сохранность багажа. Ни запах изо рта. В окнах темно, а сзади ревут турбины. Салон кренится под опасным углом и тебе уже никогда не придется заполнять командировочный отчет. Для компенсации расходов свыше двадцати пяти долларов необходимо предоставить квитанцию. Тебе уже никогда не понадобится парикмахер.

Снова глухой стук – это второе колесо коснулось покрытия. Звучит стаккато сотен расстегиваемых замков привязных ремней и очередной одноразовый знакомый, рядом с которым ты только что чуть не умер, говорит:

– Надеюсь, все у вас пройдет гладко.

Я тоже надеюсь.

Вот и еще один миг позади. И жизнь идет своим чередом.

И однажды, по чистой случайности, я повстречался с Тайлером Дёрденом.

Пришла пора отпуска.

Ты просыпаешься в международном аэропорту Лос-Анджелеса.

Вновь.

С Тайлером я познакомился на нудистском пляже. Дело было в самом конце лета, меня разморила жара, и я задремал. Голое тело Тайлера было покрыто потом и песком, слипшиеся длинные волосы закрывали лицо.

Тайлер бродил по соседству со мной задолго до того, как мы познакомились.

Тайлер вылавливал из зоны прибоя плавник и выволакивал его на пляж. Затем он вкапывал бревна в сырой песок, так что они превращались в столбы высотой в человеческий рост. Когда я проснулся, Тайлер вкопал уже четыре бревна и волок пятое. Он вырыл в песке глубокую яму, а затем опустил в нее бревно одним концом, и оно встало почти вертикально.

Ты просыпаешься на пляже.

Кроме нас на пляже никого не было.

Тайлер взял палку и начертил на песке прямую линию в нескольких футах от бревна. Затем он вернулся к бревну и принялся утрамбовывать ногами песок вокруг него.

Кроме меня никто этого не видел.

Тайлер окрикнул меня:

– Эй, не знаешь, который час?

Я сказал:

– Смотря где...

– Здесь, – уточнил Тайлер. – Здесь и сейчас.

Шестнадцать часов ноль шесть минут.

Вскоре Тайлер уселся по-турецки в тени, которую отбрасывали бревна. Посидев несколько минут, он встал, окунулся в воду, затем надел майку и шорты и собрался уходить. Я не мог не спросить его.

Мне ужасно хотелось знать, что он такое сооружал, пока я спал.

Если я могу проснуться в другом месте и в другое время, чем те место и время, в которых я заснул, почему бы однажды мне не проснуться другим человеком?

Я спросил Тайлера, не художник ли он.

Тайлер пожал плечами и объяснил мне, что он специально выбрал пять таких бревен, которые расширились бы к основанию. Затем он объяснил мне, зачем начертил на песке линию и как при помощи этой линии он определил положение тени от каждого из пяти бревен.

Иногда ты просыпаешься непонятно где, и тогда приходится задавать вопросы.

Тень гигантской руки – вот что создал Тайлер. Только теперь все пальцы, кроме большого, были непропорционально длинными, как пальцы Носферату, а большой, наоборот, слишком короток. Но в половину пятого, объяснил Тайлер, тень руки выглядела идеально. Тень гигантской руки выглядела совершенной всего какую-то минуту, и именно эту минуту Тайлер и сидел в тени созданного им совершенства.

Ты просыпаешься и оказываешься нигде.

Одной минуты вполне достаточно, объяснил Тайлер. Приходится попотеть, чтобы достичь совершенства, но минутное совершенство оправдывает все усилия. От совершенства и требовать нельзя, чтобы оно длилось дольше.

Ты просыпаешься, и будь этим доволен.

Его звали Тайлер Дёрден, и он работал киномехаником, а еще официантом на банкетах в шикарной гостинице. Он оставил мне номер своего телефона.

Вот так мы и познакомились.

Сегодня ночью у паразитов мозга аншлаг. В «Преодолей себя!» посещаемость всегда на высоте. Это – Питер, это – Альдо, а это – Марси.

Привет!

Нас представляют друг другу. Знакомьтесь, это – Марла Зингер, она у нас новенькая.

Привет, Марла!

В «Преодолей себя!» мы начинаем обычно с Обмена Новостями. Ни слова о паразитах. Разве наша группа имеет какое-то отношение к паразитам? Ничего подобного, всем постоянно становится лучше. О, эта новая методика лечения! Все только что пошли на поправку. Однако во всем ощущается неизбывный привкус пятидневной непрерывной головной боли. Одна из женщин раздражается беспричинными слезами. У всех висит на груди табличка с именем. Мы встречаемся уже целый год каждый вторник, и тем не менее многие, подходя к тебе с протянутой для рукопожатия ладонью, смотрят на табличку, чтобы узнать, как тебя зовут.

Извините, разве мы уже встречались?

Никто не употребляет слова *паразит*, все говорят *возбудитель*.

Никто не употребляет слова *лечение*, все говорят *процедура*.

Так что во время Обмена Новостями кто-нибудь сообщает, что возбудитель внезапно проник к нему в спинной мозг, и поэтому у него внезапно отнялась рука. А другой говорит, что возбудитель вызвал у него потерю внутричерепной жидкости, и теперь мозг задевает о стенки черепа, от чего случаются судороги.

Во время последнего собрания, которое я посетил, Клои сообщила нам радостную весть. С трудом поднявшись на ноги и опираясь на подлокотники кресла, она поведала нам, что больше не боится смерти. Сегодня после знакомства и Обмена Новостями, душка, которой я никогда раньше не видел, по имени Гленда (если верить табличке) сказала, что она – сестра Клои и что Клои умерла в прошлый вторник в два часа утра.

Какая прелесть! Два года Клои плакала в моих объятиях, и вот она умерла и лежит в земле, или в урне, или в мавзолее, или – как его там – в колумбарии. Еще одно доказательство того, что в один прекрасный день и ты станешь лакомством для червей и удобрением для растений. Смерть – это волшебное чудо, и я бы не имел ничего против нее, когда бы не эта тварь.

Марла.

Она снова уставилась на меня, словно кроме меня тут у паразитов не на кого и смотреть.

Лжец.

Симулянтка.

Марла – симулянтка. И ты тоже симулянт. Да и все кругом притворяются, когда внезапно валятся на землю, хрипят, пускают пену и делают себе в штаны.

Сегодня вечером направленная медитация неожиданно не действует на меня. За всеми семью воротами дворца – за зелеными, за оранжевыми – стоит Марла. И за голубой тоже стоит Марла. Лжец. Когда я проникаю в пещеру, животным, символизирующим мою волю, тоже оказывается Марла. Марла затягивается сигаретой и смотрит по сторонам. Лжец. Черные волосы и губы, пухлые, как французские подушки. Симулянтка. Губы, нежные, как кожаный итальянский диван. От таких не убежишь.

А вот Клои была настоящая.

Она походила на скелет Джони Митчел, который заставили улыбаться и ухаживать за гостями на большой вечеринке. Я часто представляю себе маленький мультяшный скелетик Клои, размером с небольшого насекомого, который бежит по галереям и закоулкам ее собственных внутренностей в два часа утра, в то время где-то вдалеке завывает сирена и чей-то голос объявляет: «Приготовьтесь к смерти через десять, девять, восемь секунд». «Смерть наступит через семь, шесть...».

В ночной темноте Клои бежит по лабиринту рвущихся вен и взрывающихся труб, брызжащих горячей лимфой. Нервы выступают на поверхности тканей пучками проводов. Абсцессы вздуваются жаркими белыми бусинами.

Голос сверху объявляет: «Приготовьтесь к опорожнению кишечника через десять, девять, восемь, семь...».

«Приготовьтесь к эвакуации души через десять, девять, восемь...».

Клои шлепает по вытекшей из отказавших почек жидкости.

«Смерть наступит через пять...».

«Пять, четыре...».

«Четыре...».

Повсюду видны следы жизнедеятельности паразитов, похожие на граффити, нарисованные аэрозольной краской на поверхности сердца.

«Четыре, три...».

«Три, два...».

Клои карабкается на четвереньках по рифленой поверхности собственного горла.

«Смерть наступит через три, две...».

Лунный свет льется в открытый рот.

«Приготовьтесь к последнему вздоху – ноль!».

Душа эвакуируется.

Ноль!

Отделение от тела.

Ноль!

Смерть наступила.

Как это было бы славно: сжимать и сжимать в объятиях теплую дрожь Клои, в то время как сама Клои уже давно лежит в сырой земле!

Но вместо этого на меня смотрит Марла.

Во время направленной медитации, я раскрываю объятия, чтобы принять в них ребенка, живущего во мне, но вместо ребенка в объятия мои устремляется дымящая как паровоз Марла. Белый исцеляющий шар света не появляется. Лжец. Чакры остаются закрытыми. Представьте себе каждую чакру, как распускающийся цветок, в центре которого, словно в замедленной съемке, вспыхивают лучи белого света.

Лжец.

Мои чакры не хотят открываться.

Когда направленная медитация заканчивается, все встают на ноги, потягиваются, отряхиваются и готовятся к терапевтическому телесному контакту. Когда приходит время обниматься, я делаю три шага навстречу Марле, распахиваю руки и смотрю по сторонам, ища подсказки, что мне делать дальше.

Подсказка: обними того, кто идет тебе навстречу.

Мои руки смыкаются у Марлы за спиной.

Выбери сегодня того, кто тебе нужен.

Рука Марлы, сжимающая сигарету, надежно прижата к бедру.

Расскажи ему, как ты себя чувствуешь.

У Марлы нет рака яичек. У нее нет даже туберкулеза. Она и не собирается умирать. Ладно, беру свои слова обратно, с высшей философской точки зрения мы все потихоньку умираем, но Марла умирает совсем не так, как умирала Клои.

Еще одна подсказка: поделись самым сокровенным.

Алло, Марла, ты яблоки любишь?

Самым сокровенным.

Марла, валила бы ты отсюда. Вон! Вон!

Вали отсюда вон и плачь там, где я тебя не вижу.

Марла смотрит мне прямо в лицо. У нее карие глаза. Мочки ее ушей проколоты, но сережек она не носит. На растрескавшихся губах лежат, словно изморозь, чешуйки отшелушившейся кожи.

Вали отсюда и плачь.

– Ты тоже вроде еще не помираешь, – говорит Марла.

Вокруг нас, обнявшись, рыдают пары.

– Расскажи мне все честно, – твердит Марла, – а я расскажу тебе.

Мы можем честно поделить неделю, объясняю я. Марла берет себе костные болезни, болезни мозга и туберкулез. Я оставляю за собой рак яичек, паразитов крови и хроническое слабоумие.

Марла спрашивает:

– А как насчет рака кишечника?

Да, эта девочка твердо вызубрила свой урок.

Рак кишечника мы поделим поровну. Ей достаются первое и третье воскресенья каждого месяца.

– Нет, – отрезает Марла.

Рак кишечника она хочет весь. И паразитов, и остальной рак тоже. Марла прищуривает глаза. Она и мечтать не мечтала, что может так прекрасно чувствовать себя. Она впервые чувствует себя живой. Ее прыщи прошли. За всю свою жизнь она ни разу не видела мертвеца. Она не понимала, что такое жизнь, потому что ей не с чем было сравнивать. О, но теперь-то она знает, что такое смерть и умирание, что такое настоящее горе и подлинная утрата. Что такое плач и содрогание, смертный ужас и угрызения совести. Теперь, когда Марла знает, что с нами всеми будет, она может наслаждаться каждым мгновением своей жизни.

Нет, она не отдаст мне ни одной группы.

– Я ни за что не соглашусь жить, как жила раньше, – говорит Марла. – Раньше, чтобы жить и наслаждаться просто тем, что еще дышишь, я работала в бюро похоронных услуг. У меня, правда, совсем другая специальность, ну и что с того?

Тогда вали отсюда в свое бюро похоронных услуг, предлагаю я.

– Похороны – это ничто в сравнении с группами поддержки, – возражает Марла. – Похороны – это абстрактная церемония. В них нет истинного ощущения смерти. А здесь оно есть.

Пары вокруг нас утирают слезы, сморкаются, хлопают друг друга по спине и расходятся.

Мы не можем ходить в группу вместе, говорю я.

– Тогда не ходи.

Мне это нужно.

– Тогда ходи на похороны.

Все уже встали в круг и берутся за руки, готовясь к завершающей молитве. Я отпускаю Марлу.

– Как долго ты ходишь сюда?

Два года.

Кто-то берет меня за руку. Кто-то берет за руку Марлу.

Когда начинается молитва, у меня, как обычно, перехватывает дыхание. О, благослови нас! О, благослови нас в нашем гневе и страхе!

– Два года? – шепчет Марла, склонив голову набок.

О, благослови нас и сохрани.

Все, кто могли бы заметить, что я в этой группе уже два года, или умерли или выздоровели и перестали сюда ходить.

Помоги нам, помоги нам.

– Ах так, – говорит Марла, – ну что ж, тогда я отдаю тебе рак яичек.

Большой Боб, здоровенный шмат сала, обливает меня слезами. Спасибо тебе большое, Марла.

Направь нас к нашей участи и даруй нам покой.

– Пожалуйста.

Вот так я познакомился с Марлой.

Парень из службы безопасности мне все разъяснил.

Грузчики не обращают никакого внимания на чемодан, в котором что-то тикает. Парень из службы безопасности зовет грузчиков «швырялами». Современные бомбы не тикают. Но если чемодан вибрирует, то и «швырялы», и служба безопасности обязаны вызвать полицию.

У Тайлера я поселился именно из-за этой политики большинства авиакомпаний в отношении вибрирующего багажа.

Возвращаясь из Даллса, я вез с собой один чемодан, в котором было упаковано все. Когда часто едешь, вскоре вырабатывается привычка возить с собой все самое необходимое. Шесть белых рубашек. Две пары черных брюк. Минимум, необходимый для выживания.

Дорожный будильник.

Электрическую бритву на аккумуляторах.

Зубную щетку.

Шесть пар трусов.

Шесть пар черных носков.

Если верить парню из службы безопасности, при погрузке в Даллсе мой чемодан начал вибрировать и полиция сняла его с полета. В этом чемодане было все. Жидкость для контактных линз. Красный галстук в голубую полоску. Голубой галстук в красную полоску. Не в тонкую полоску, как клубные галстуки, а в широкую, как офицерские с цветами части. Еще один просто красный галстук.

Список всех этих вещей я прикрепил у себя дома к двери платяного шкафа.

Мой дом – это квартира на пятнадцатом этаже кондоминиума, расположенного в многоквартирном доме, напоминающем мне стеллаж для пожилых вдов и молодых профессионалов. Рекламная брошюра обещала, что между мной и включенным телевизором или стереоустановкой соседа всегда будет не меньше фута бетонного пола, потолка или стены. Фут бетона, но при этом система вентиляции и кондиционирования воздуха устроена так, что невозможно открыть окно без того, чтобы вся квартира, невзирая на кленовый паркет и выключатели с регулируемой степенью освещения, не начинала вонять как последний разогретый тобой на плите обед или санузел после твоего недавнего визита.

Ах да, а еще там были кухонный гарнитур со столешницами из натуральной древесины и низковольтная проводка для осветительных приборов.

Но все же, фут бетона – это очень важно, когда у твоей соседки села батарейка в слуховом аппарате и поэтому она смотрит свое любимое игровое шоу на полной громкости. Или когда вулканический выброс горящего газа и обломков, которые некогда были твоим гостиним гарнитуром и личными вещами, выбивает окна-витрины и вырывается наружу, оставляя в скале здания выжженную обугленную пещеру кондоминиума, твою личную и ничью больше.

Такие вещи случаются.

Все уничтожено взрывом, даже стеклянный зеленый сервиз ручной работы с крохотными пузырьками внутри и неровностями снаружи от прилипшего песка. (Это доказывает, что сервиз изготовил простодушный, честный, трудолюбивый туземец-ремесленник из – неважно, откуда). Так вот, все, включая этот сервиз, уничтожено взрывом. Трехметровые шторы-картины порваны в клочья и сожжены огненным ветром.

С высоты пятнадцатого этажа пылающий пепел развеян над городом и рассыпан по крышам стоящих машин. Я тем временем мчусь во сне на запад с крейсерской скоростью 0,83 числа Маха или 455 миль в час. А в Даллсе спецподразделение ФБР обследует мой чемодан, одиноко стоящий на транспортере в помещении, из которого эвакуирован весь персонал. В девяти случаях из десяти вибрирует электробритва. Так было и с моим чемоданом. В одном случае – фаллоимитатор.

Это мне рассказал парень из службы безопасности в аэропорту прибытия. Затем я поехал на такси домой и обнаружил, что все мое фланелевое белье лежит на асфальте, изодранное в клочья.

Представьте себе, рассказывал мне парень из службы безопасности, пассажир прибывает к месту назначения, и тут ему объявляют, что его багаж задержан на Восточном побережье из-за фаллоимитатора. Бывает и так, что хозяин чемодана – мужчина. Политика авиакомпаний состоит в том, чтобы никогда не уточнять, кому принадлежал фаллоимитатор. Фаллоимитатор – и все тут.

Ни в коем случае не «ваш фаллоимитатор».

Следует говорить «самопроизвольное включение фаллоимитатора».

«Самопроизвольное включение фаллоимитатора привело к необходимости задержать ваш багаж в аэропорту».

Дождь шел, когда я покидал Стейплтон, штат Джорджия, где у меня была встреча.

Дождь продолжал идти, когда я подъезжал к своему дому.

Сначала стюардесса объявила, чтобы мы осмотрели свои места и постарались не забывать в салоне личных вещей. Затем она объявила, что в аэропорту меня ожидает представитель авиакомпании. Я перевел свои часы на три часа назад, но несмотря на это было глубоко за полночь.

У выхода меня ждал представитель авиакомпании, а с ним рядом стоял парень из службы безопасности. Ха, ха, ха, ваша бритва самопроизвольно включилась, и из-за этого ваш багаж задержали в Даллсе. Парень из службы безопасности называл грузчиков «швырялами». А еще он называл их «пихалами». Дело могло быть и хуже, сказал мне этот парень, по крайней мере, бритва – все-таки не фаллоимитатор. А затем – может быть, потому, что мы оба были мужчинами и стрелки часов показывали час ночи, а может быть, просто чтобы поднять мне настроение, он рассказал, что на авиационном сленге стюарда называют «стюардесс». Парень этот носил форму, похожую на летную: белая рубашка с маленькими эполетами и голубой галстук. Он сказал, что мой багаж обыскали, и что он прибудет на следующий день.

Затем он записал мое имя, адрес и номер телефона, и спросил, знаю ли я, в чем разница между презервативом и кабиной пилотов.

– В презерватив только один хер входит, – объяснил он.

Я доехал до дома на такси за последнюю десятку.

Местная полиция замучила меня вопросами.

Моя электробритва, которую приняли за бомбу, по-прежнему находилась от меня на расстоянии трех часовых поясов. А настоящая бомба, очень большая бомба, разнесла в щепки мой очаровательный кофейный столик дизайна «Ньюрунда»^[13] в форме образующих круг ярко-зеленого «инь» и апельсинового «ян».

То же самое случилось и с моим мягким уголком «Хапаранда» дизайна Эрики Пеккари^[14].

Я не единственная жертва того инстинкта, что заставляет людей обустроить свои гнездышки. Все мои знакомые, которые раньше сидели в туалете с порнографическим журналом в руках, теперь сидят с каталогом фирмы «ИКЕА».

Теперь у нас у всех есть кресло «Йоханнесхов», обитое полосатым драпом «Штинне». Мое, кстати, упало, охваченное пламенем, с пятнадцатого этажа в фонтан.

У нас у всех одинаковые бумажные фонарики «Рислампа-Хар», обтянутые неотбеленной экологически безвредной бумагой. Мои фонарики были с рисунком «конфетти».

Плоды визитов в туалет.

Набор ножей «Алле». Нержавеющая сталь. Выдерживают машинную мойку.

Настенные часы «Вильд» из оксидированной стали, как я мог обойтись без них?

Стеллажный конструктор «Клипск», ясное дело.

Коробки для шляп «Хемлиг». Конечно.

Вся мостовая под окнами была усеяна сверкающими обломками.

Набор покрывал «Моммала». Дизайн Томаса Харила^[15]. Большой выбор цветов.

Орхидея.

Фуксия.

Кобальт.

Слоновая кость.

Антрацит.

Яичная скорлупа и вереск.

Вся моя жизнь ушла на покупку этого барахла.

Простое в уходе лаковое покрытие на журнальных столиках «Каликс».

«Стег» – комплект столиков «три в одном».

Ты покупаешь мебель. Ты уверяешь сам себя, что это – первая и последняя софа, которую ты покупаешь в жизни. Купив ее, ты пару лет спокоен в том смысле, что как бы ни шли дела, а уж вопрос с софой, по крайней мере, решен. Затем решается посудный вопрос. Постельный вопрос. Ты покупаешь шторы, которые тебя устраивают и подходящий ковер.

И вот ты стал пленником своего уютного гнездышка и вещи, хозяином которых ты некогда был, становятся твоими хозяевами.

И так продолжается, пока ты однажды не вернешься домой, и портье не скажет тебе, что произошел несчастный случай. И что полиция уже приезжала и задавала кучу вопросов.

Полиция предполагает, что это мог быть газ. Возможно, погас в духовке, или же была утечка, а какая-нибудь конфорка осталась непогашенной, газ собирался под потолком, пока не наполнил весь кондоминиум от потолка до пола. Потолки высокие, объем кондоминиума – тысяча семьсот кубических футов, прошел не один день, пока газ не заполнил весь объем. А когда это случилось, где-то, возможно, в реле компрессора холодильника, проскочила искра...

Детонация.

Ударная волна выбивает окна из алюминиевых рам и все, что находилось в квартире – диваны, лампы, простыни, сервизы, школьные ежегодники, дипломы и телефон, – вылетает, охваченное пламенем, из окна, образовав нечто вроде солнечного протуберанца.

Боже, а мой холодильник! Я старательно собирал коллекцию различных сортов горчицы – горчица ручного помола, крепкая английская горчица. У меня было четырнадцать сортов не содержащей жиров заправки для салата и семь сортов каперсов.

Да, да, – вы совершенно правы, полный дом приправ и ни куска еды.

Портье прочистил нос, извергнув нечто в носовой платок – с таким же звуком, с каким мяч падает в раструб перчатки бейсбольного кэтчера.

На пятнадцатый этаж подняться можно, говорит портье, но квартира все равно опечатана. Распоряжение полиции. Полицейские спрашивали, нет ли у меня бывшей подружки с решительным характером или заклятого врага, имеющего доступ к динамиту.

– Да и чего там смотреть, – продолжал портье. – Ничего, ведь, не осталось, кроме голых стен.

Полиция не исключает преднамеренного поджога. Газом не пахло.

Портье многозначительно поднимает брови.

(Этот тип только тем и занимался, что флиртовал с горничными и сиделками из больших квартир на верхнем этаже. После работы они ждали на стульях в холле, когда за ними приедут, чтобы отвезти домой. Три года я жил в этом доме, и этот портье сидел и читал свой «Эллери Квин»^[16] пока я перетаскивал мешки с покупками от машины к двери.)

Портье многозначительно поднимает брови и говорит, что некоторые уезжают в долговременную поездку, оставляя в квартире длинную-длинную зажженную свечу, поставленную посреди лужи бензина. Люди, испытывающие финансовые затруднения, часто откалывают такие номера. Люди, которые хотят подзаработать.

Я попросил разрешения воспользоваться телефоном в привратницкой.

– Молодежь хочет потрясти мир и покупает больше вещей, чем может себе позволить, – сказал портье.

Я набрал номер Тайлера.

Телефон зазвонил в доме, который Тайлер снимал на Бумажной улице.

О, Тайлер, заberi меня отсюда!

Никто не подходит к телефону.

Наклонившись к самому моему уху, портье говорит:

– Молодежь сама не знает, чего хочет.

О, Тайлер, спаси меня!

Никто не подходит к телефону.

– Молодежи сразу все подавай.

Спаси меня от шведской мебели.

Спаси меня от произведений искусства.

И Тайлер подошел к телефону.

– Когда не знаешь, чего хочешь, – говорит портье, – беды не миновать.

Не хочу больше быть укомплектованным.

Не хочу больше быть довольным.

Не хочу больше быть самым совершенством.

Тайлер, спаси меня от этого!

Я договорился встретиться с Тайлером в баре.

Портье спросил, по какому телефону полиция может найти меня. Дождь все шел и шел. Моя «ауди» на стоянке была целехонька, только лобовое стекло пробито насквозь торшером «Дакапо» с галогенными лампами.

Мы встретились, выпили море пива, и Тайлер сказал мне, что я могу пожить у него, если окажу ему одну услугу. Мой чемодан прибыл на следующий день. Шесть пар рубашек и шесть пар трусов – все остальное пропало.

Мы сидели в баре, пьяные, и никому до нас не было дела и нам ни до кого. И я спросил

Тайлера, что я должен сделать для него.

Тайлер сказал:

– Врежь мне изо всей силы.

Мы успели показать только два демонстрационных слайда, подготовленных мною для компании «Майкрософт», как кровотечение возобновилось и мне пришлось сглатывать кровь. Мой начальник не владеет материалом, но он ни за что не позволит мне проводить демонстрацию с подбитым глазом и щекой, вздувшейся от швов, наложенных с внутренней стороны. Они разошлись, и я вынужден сглатывать кровь. Мой начальник ведет презентацию по написанному мной сценарию, а меня он посадил к проектору, так что я сижу в темном углу комнаты.

Липкая кровь течет у меня по губам, я пытаюсь слизать ее, и, когда вспыхивает свет и я поворачиваюсь к Эллен, Уолтеру, Норберту и Линде – консультантам из «Майкрософт» – и благодарю их за внимание, во рту у меня булькает кровь, проступая в щелях между зубами.

Можно проглотить пинту собственной крови, прежде чем тебе станет дурно.

Завтра у нас встреча бойцовского клуба, и я не могу пропустить ее ни в коем случае.

Перед презентацией Уолтер улыбается мне фирменной улыбкой, демонстрируя контраст между жемчужными зубами и шикарным загаром, который оттенком напоминает картофельные чипсы, поджаренные на барбекю. Уолтер протягивает мне для рукопожатия руку, украшенную кольцом с печаткой, и мои пальцы тонут в его мягкой лапе.

– Страшно даже подумать, как выглядит тот, кому вы задали трепку.

Первое правило бойцовского клуба гласит: никому не рассказывать о бойцовском клубе.

Я объясняю Уолтеру, что я упал.

По собственной вине.

Перед презентацией я сижу рядом с начальником, и показываю ему по сценарию, где и какой слайд демонстрируется, и в каком месте я намерен включить видеомэгнитофон. Начальник спрашивает меня:

– Почему каждый уик-энд ты попадаешь в какую-нибудь передрагу?

Шрамы украшают мужчину, говорю я. Фабричное состояние вышло из моды. Когда я вижу старые автомобили производства 1955 года, которые выглядят так, словно только что сошли с конвейера, мне становится противно.

Второе правило бойцовского клуба гласит: никому никогда не рассказывать о бойцовском клубе.

Ты отправляешься перекусить, и к твоему столику подходит официант, у которого синяки под глазами, словно у гигантской панды. Ты вспоминаешь, что видел его в прошлый уик-энд в бойцовском клубе: стокилограммовый верзила-грузчик прижимал его голову коленом к бетонному полу и методично бил ему своим кулачищем в переносицу с глухим увесистым звуком, который пробивался даже сквозь одобрителный рев членов клуба, бил до тех пор, пока официант не исхитрился перевести дыхание и не прохрипел «Хватит!»

Ты не имеешь права говорить ничего, потому что бойцовский клуб существует только в период от начала и до конца встречи.

Ты видишь паренька, что работает в копировальном бюро. Ты познакомился с ним месяц назад. Он забывал подшивать при помощи дырокола заявки и прокладывать цветные пластиковые разделители между различными заказами, но в клубе этот парень бился как бог. Десять минут он выколачивал душу из главного бухгалтера, который был больше его в два раза, а затем повалил его на пол и лупил, пока тот не взмолился о пощаде. Таково третье

правило бойцовского клуба: если противник теряет сознание, или делает вид, что теряет, или говорит «Хватит!», поединок окончен. Мы встречаемся каждый день, но нельзя даже и словом никому обмолвиться о том, какой он классный боец.

В поединке участвуют только двое. Никто не проводит поединков больше, чем один за вечер. Биться следует голыми по пояс и без обуви. Поединок продолжается столько, сколько потребуется. Таковы остальные правила бойцовского клуба.

В бойцовском клубе мы все – совсем другие люди, чем в реальной жизни. Даже если ты скажешь парню из копировального бюро, что он – классный боец, ты скажешь это совсем другому человеку.

В бойцовском клубе я – совсем не тот человек, которого знает мой начальник.

Когда после поединка возвращаешься к повседневному существованию, кажется, что кто-то повернул ручку громкости. Ничто не может заставить тебя потерять самообладание. Твое слово – закон, и даже если другие сомневаются в этом или отрицают это, и тогда ничто не может заставить тебя потерять самообладание.

В повседневном существовании я – координатор отдела рекламаций в галстук и рубашке, сидящий в темноте с полным ртом крови и меняющий слайды и диаграммы, в то время как мой начальник разглагольствует перед консультантами из «Майкрософт», почему он выбрал для меню именно этот оттенок нежно-голубого цвета.

В первой встрече бойцовского клуба участвовали только я и Тайлер.

Раньше, когда я возвращался домой сердитый, сознавая, что безнадежно отстаю от личного пятилетнего плана, я довольствовался тем, что возился с машиной или вылизывал свой кондоминиум. Я знал, что в один прекрасный день умру, и мое тело будет как новенькое – без единого шрама – и такими же будут моя машина и мой кондоминиум.

Возможно, самосовершенствование – это еще не все.

Тайлер не знал, кто его отец.

Возможно, саморазрушение гораздо важнее.

Тайлер и я, мы по-прежнему ходим в бойцовский клуб вместе. Бойцовский клуб находится в подвале одного бара, и в этом подвале – после того, как бар закрывается в субботу ночью – собирается все больше и больше парней.

Тайлер становится под единственную лампу, которая висит посередине подвала, и видит, как из темноты блестят сотни глаз. И тогда Тайлер громко произносит:

– Первое правило бойцовского клуба: никому не рассказывать о бойцовском клубе.

– Второе правило бойцовского клуба, – продолжает Тайлер, – никому никогда не рассказывать о бойцовском клубе.

От меня отец ушел, когда мне уже исполнилось шесть лет, но я все равно его не помню. У моего отца привычка заводить новую семью в новом городе каждые семь лет. Он, очевидно, считает что семья – это что-то вроде сети фирменных ресторанов.

В бойцовском клубе собираются представители поколения мужчин, воспитанных женщинами.

Тайлер стоит под единственной лампой в крошечной тьме подвала, полного мужчин, и объявляет остальные правила: дерутся двое, не более одного поединка на каждого, биться без обуви и без рубашек, поединок продолжается столько, сколько потребуется.

– И седьмое правило, – громко объявляет Тайлер, – новичок обязан принять бой.

Ходить в бойцовский клуб – это совсем не то же самое, что смотреть футбол по телевизору. В телевизоре ты видишь толпу незнакомцев, которые молотят друг друга на

обратной стороне земного шара. Сигнал передается через спутник с двухминутной задержкой, каждые десять минут матч перебивается то рекламой пива, то заставкой канала. После первого посещения бойцовского клуба люди начинают относиться к футболу по телевизору примерно так же, как к порнографии, когда под боком – шикарная женщина.

Вступив в бойцовский клуб, ты начинаешь посещать тренажерный зал, коротко стричь волосы и ногти. В тренажерных залах полно парней, которые хотят походить на мужчин, словно «походить на мужчин» означает выглядеть так, как велят скульпторы или рекламные фотографии.

Как говорит Тайлер, накачанным может назвать себя любое суфле.

Мой отец так и не получил высшего образования, поэтому он считал крайне важным, чтобы я получил его. Окончив колледж, я позвонил отцу в другой город и спросил:

– Папа, что мне делать дальше?

Отец не нашелся, что мне ответить.

Затем я устроился на работу, и когда мне исполнилось двадцать пять, вновь позвонил в другой город, и спросил – а что дальше? Отец не знал и потому сказал: женись.

Мне тридцать лет, но я по-прежнему мальчик. Чем тут может помочь другая женщина?

То, что происходит в бойцовском клубе, словами не объяснишь. Некоторые парни хотели бы драться каждую неделю. На этой неделе Тайлер сказал, что внутрь пускаются первые пятьдесят человек, а потом дверь закрывается. Баста.

На прошлой неделе я заметил одного парня, и мы записались на поединок. Видать у него была трудная неделя: он сразу же заломил мне руки за спину двойным нельсоном и начал размазывать мое лицо по бетонному полу. Глаз у меня опух, так что я не мог его открыть, из разбитой щеки текла кровь, губы лопнули, а когда я сказал «Хватит», приподнялся и посмотрел вниз, то увидел, что на полу остался кровавый отпечаток моего лица.

Тайлер стоит рядом со мной, он тоже видит на бетоне кровавое «О» моего рта и маленький росчерк глаза.

– Клево! – говорит Тайлер.

Я жму парню руку со словами: спасибо, отличный бой.

А он отвечает мне:

– Ну, так как насчет следующей недели?

Я пытаюсь улыбнуться распухшим лицом, я говорю, посмотри на меня. Может, лучше через месяц.

Нигде ты не чувствуешь жизнь так, как в бойцовском клубе. Когда остаешься наедине с противником под единственной лампой, окруженный со всех сторон толпой зрителей. Дело не в том, выиграешь ты или проиграешь. Дело не в словах. Вот новичок приходит в бойцовский клуб, и тело его похоже на хлебный мякиш. Но не проходит и месяца, и оно кажется выточенным из дерева. Теперь он способен справиться самостоятельно с любой проблемой. Шум и прочие звуки в бойцовском клубе такие же, как в любом тренажерном зале, но в бойцовском клубе никто не заботится о внешности. Там выкрикивают непонятные слова на непонятном языке, как в церкви пятидесятников, а проснувшись утром в воскресенье, ты чувствуешь себя спасенным.

После последнего поединка мой противник затирает шваброй кровавое пятно на полу, пока я вызывал представителя страховой компании, чтобы получить направление в травматологический пункт. В больнице Тайлер объяснил врачу, что я упал.

Иногда Тайлер говорит за меня.

Это все я сам.

За окнами тем временем всходит солнце.

О бойцовском клубе нельзя говорить хотя бы потому, что за исключением короткого промежутка времени с двух до семи в ночь с субботы на воскресенье бойцовского клуба не существует.

Ни я, ни Тайлер не дрались до того, как придумали бойцовский клуб. А если ты никогда не дрался, то боишься всего на свете: боишься боли, боишься того, что не сможешь справиться с противником. Я был первый, к кому Тайлер рискнул обратиться с этим предложением. Мы сидели в баре, мы были пьяны, никому вокруг не было до нас дела, и тут Тайлер сказал:

– Окажи мне одну услугу. Я хочу, чтобы ты врезал мне изо всей силы.

Сначала я отказывался, но Тайлер рассказал мне, что не хочет умереть без шрамов на теле, что ему надоело только смотреть по телевизору, как дерутся другие, что он желает больше узнать о себе.

Он рассказал мне про саморазрушение.

В то время мне казалось, что в моей жизни больше ничего не случится, поэтому я подумал, что стоит вырваться из клетки наружу и попытаться найти себе другую жизнь.

Я огляделся по сторонам и сказал, ладно, ладно, но давай лучше выйдем наружу, на стоянку.

Мы вышли, и я спросил, куда Тайлер хочет, чтобы я его ударил: в голову или в живот.

Тайлер сказал:

– Застигни меня врасплох.

Я сказал, что никогда никого не бил.

Тайлер сказал:

– Ну так дай себе волю.

Я сказал, закрой глаза.

Тайлер сказал:

– Ни за что.

Я поглубже вдохнул воздух и, целясь Тайлеру в подбородок, изобразил удар, виденный сотни раз в ковбойских фильмах. Так поступают все новички в бойцовском клубе. Естественно, я попал не в подбородок – мой удар пришелся вскользь Тайлеру по шее.

Черт, сказал я, это не считается. Давай я перебую.

– Считается, считается, – и Тайлер неожиданно, как боксерская перчатка на пружине в воскресных мультиках, ударил меня кулаком прямо в грудь.

Меня отбросило на чью-то машину. Некоторое время мы стояли молча: Тайлер растирал себе шею, а я держался рукой за грудь и мы оба, как кот и мышонок из мультика, понимали, что забрели куда-то, где еще не бывали, но при этом все еще живы и нам очень хочется знать, как долго можно идти по этой дороге, оставаясь живыми.

Тайлер сказал:

– Клево.

Я сказал, ударь меня еще.

Тайлер сказал:

– Нет, теперь твоя очередь.

И я ударил его как-то по-женски, неловко, прямо в ухо, а Тайлер в ответ пнул меня в

живот. Все, что произошло дальше, словами не объяснишь. Как раз в это время бар закрылся. Люди выходили из него, собирались вокруг нас на стоянке и кричали.

Не знаю, что уж там понял Тайлер, но я почувствовал, что теперь я в состоянии справиться со всеми неполадками в моем мире: и с химчисткой, которая постоянно возвращает мне рубашки со сломанными пуговицами, и с банком, засыпающим меня сообщениями о превышении кредита, и с моей работой, и с начальником, который хозяйничает в моем компьютере, как у себя дома, меняя настройки ДОС. И с Марлой Зингер, которая украла мои группы поддержки.

Когда наш поединок закончился, ни одна из этих проблем никуда не девалась, но мне теперь было на них наплевать.

Наш первый с Тайлером поединок случился субботней ночью: Тайлер не брился с пятницы, так что после поединка мои костяшки были ободраны в кровь о его щетину.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

«Маленькая смерть», оргазм (*фр.*).

Аэропорт Миннеаполиса.

Международный аэропорт Чикаго.

Аэропорт Нью-Йорка (внутренние линии).

Аэропорт Бостона.

Международный аэропорт Вашингтона, DC.

Аэропорт Далласа – Форт-Уорта.

Аэропорт Сиэтла (внутренние линии).

Аэропорт Детройта.

Аэропорт Сан-Диего.

Аэропорт Чикаго (внутренние линии).

Международный аэропорт Сиэтла.

Известная шведская дизайнерская фирма.

Известный финский дизайнер, работающий в Швеции.

Современный шведский дизайнер.

Популярный американский альманах таинственных историй.